

помощью (зачастую случайных) примеров уснастить текст языковыми иллюстрациями, не сказывающимися, впрочем, на том направлении, которое примет работа в ре-

зультате анализа конкретного языкового материала. Данная же монография лишена подобного камуфляжа.

Демьянков В.З.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.

Книга А.Е. Кибрика представляет собой сборник статей, в большинстве уже публиковавшихся в разное время, начиная с 1972 г.; некоторые из них, однако, существенно переработаны при подготовке к данному изданию или же впервые печатаются по-русски. Проблематика, затрагиваемая в книге, очень широка и неоднородна: теория языка, типология, социолингвистика, полевая лингвистика, прикладная лингвистика, кавказоведение и др. Однако, как указывает автор в предисловии, "эти внешне разрозненные лингвистические области знания в действительности самым тесным образом связаны друг с другом, дополняют и обогащают друг друга и, более того, имеют дело по существу с одним и тем же объектом, рассматривая его в различных проекциях. Таким объектом является **ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА**" (с. 3).

Книга открывается статьей "Язык" из "Лингвистического энциклопедического словаря". Здесь автор в соответствии с жанром энциклопедической статьи суммирует накопленные теоретической лингвистикой представления о тех или иных языковых явлениях, давая в ряде случаев и свою собственную интерпретацию ряда спорных вопросов. В сжатой форме, по необходимости тезисно, но четко, изложены основные понятия современной лингвистики. Достаточно удачно определяются такие весьма неясные и спорные понятия, как "говор", "диалект" и "язык", "лексическое и грамматическое значение", "парадигматические, синтагматические и иерархические отношения" и др. Особенно хотелось бы выделить разделы о словаре и грамматике и о видах грамматических правил. Безусловно, рассматриваемая статья не может удовлетворить во всех отношениях каждого лингвиста. Отдельные формулировки, содержащиеся в ней, нередко спорны. Верно, что разграничение языка и диалекта связано не только с чисто языковыми факторами, но и с социальными параметрами, вполне точно перечисленными А.Е. Кибриком, но думается все же, что именно эти социальные параметры играют здесь решающую роль: с точки зрения чисто языковых факторов

вологодско-вятские диалекты скорее бы выделялись в особый язык сравнительно со среднерусскими, чем белорусские; хинди и урду считались бы одним языком, а китайские, арабские и некоторые японские диалекты — особыми языками и т.д. А.Е. Кибрик пишет: "При отсутствии специальной нормирующей деятельности, направленной на консервацию языкового состояния (ср. классический арабский язык), языки постоянно претерпевают изменения во всех звеньях своей структуры" (с. 11). Из этой фразы вытекает, что при наличии нормирующей деятельности языки не изменяются. Однако неизменяющийся язык, вероятно, вообще невозможен, а нормализация языка, конечно, сильно замедляет его развитие, но не прекращает его. Не говоря уже о лексике, которая постоянно меняется со временем и, даже наиболее поддающаяся нормализации морфология не остается неизменной. Нормализаторы могут следить за тем, чтобы в "правильный" язык не проникали "испорченные" разговорные формы, но они часто не могут предотвратить исчезновения тех форм, которых уже нет в разговорном языке. В старописьменном японском языке XX в. глагольная морфология была сильно редуцирована [1], а в церковнославянском языке XVIII в. уже разрушалась система времен. Безусловно, верно, что системы письменности вторичны по отношению к звуковой материи (с. 12), но все же письменный язык далеко не однозначно соотносится со звуковым и нередко развивается по особым законам.

Весьма интересен второй раздел книги "Языковые постулаты", сжато, в тезисной форме перечисляющий "те коренные сдвиги в лингвистической идеологии, которые происходят в ней в последние годы и, как... думается, должны предопределить ее развитие в ближайшем будущем" (с. 17). По мнению А.Е. Кибрика, лингвистика переходит от метода "черного ящика" к построению моделей, объясняющих, как устроен язык на самом деле; объект лингвистики все более расширяется, включая в себя то, что ранее считалось "не лингвистикой". Признается примат семантики над синтаксисом;

расширяется понимание семантики, в частности, в нее включается и прагматика. Лингвистика все более обращается к проблемам языка и мышления. Исходными объектами лингвистического описания становятся значения, а не формы. Последнее утверждение, на наш взгляд, слишком категоричное. Впрочем, тут же уточняется: "Процесс познавательной деятельности лингвиста должен быть циклическим, чередующим индуктивный, таксономический метод восхождения от формы к ее значению, с дедуктивным, воссоздающим процесс перехода от постулированного значения к выражающей его форме" (с. 25). С этим уточнением с постулатами А.Е. Кибрика вполне можно согласиться. Ограничение объекта исследования "внутренней лингвистикой" и "антиментализм", свойственные передовой лингвистике первой половины XX в., были исторически неизбежны, поскольку дали возможность, сузив объект исследования, значительно продвинуться в разработке строгих лингвистических методов. Теперь же настало время вернуться к свойственному традиционному языкознанию подходу, принимающему во внимание максимально широкий круг явлений, но уже на более высоком уровне. Теми же причинами объяснялась и длительная недооценка семантики, которая является основополагающей не только для синтаксического, но и для других ярусов языка: семантика ввиду ее особой сложности требует особого подхода и лишь сейчас настало ее время.

Два последующих раздела посвящены типологии. Первый из них перекликается с предыдущим: А.Е. Кибрик подчеркивает, что если раньше типология была в основном, по его выражению, КАК-типологией, отвечавшей на вопрос: "Как языки отличаются друг от друга?", то теперь она все более поднимается на более высокий уровень, становясь объяснительной ПОЧЕМУ-типологией, отвечающей на вопрос: "Почему языки отличаются друг от друга?". Переход типологии на новый уровень А.Е. Кибрик связывает с рядом публикаций 80-х годов, в основном американских. Вероятно, можно было бы вспомнить о предвосхищавших такого рода исследования пионерских идеях Е.Д. Поливанова. В следующем разделе речь идет о связях между теорией языка и типологией, с одной стороны, и описанием конкретных языков, с другой. А.Е. Кибрик справедливо спорит с очень распространенной, особенно в нашей стране идеей о том, что исследователям конкретных языков не нужны слишком сложные и непонятные теории и доста-

точно руководствоваться "здравым смыслом" (под которым обычно понимается сочетание языковой интуиции носителя, скажем, русского языка с идеями "школьного" языкознания, т.е. упрощенный вариант некоторой лингвистической концепции, выработанной для описания европейских языков). Верно сказано: «Это очень опасное заблуждение. Лингвистическая теория необходима не только и не столько для описания фактов, придания им соответствующего "товарного вида", сколько для обнаружения самих фактов. Исследователь, как правило, находит то, что ищет» (с. 41). А.Е. Кибрик рассматривает вопросы выбора лингвистической теории, аппарата описания конкретного языка, его структуры и т.д.

Следующий раздел носит название "Место полевой лингвистики в теоретическом и прикладном языкознании". По тематике сюда же примыкает и раздел "Методика полевой работы с информантом", отнесенный по формальным причинам в ту часть книги, где рассматриваются проблемы прикладной лингвистики. А.Е. Кибрик разделяет описательное языкознание «на две ветви: классическое описательное языкознание, т.е. исследование "изнутри", осуществляемое носителями языков, и полевое языкознание, т.е. исследование "извне", осуществляемое теми, для кого изучаемый язык не является родным и на начальной стадии может быть вообще неизвестным» (с. 39). Само разграничение является очень важным. Правда, вряд ли здесь что-либо определяет признак родного языка: классическое языкознание во многих лингвистических традициях как раз вырабатывалось на материале языков, ни для кого не бывших родными: классической латыни, санскрита, вэньяня, бунго, церковнославянского и т.д. Неясно также, куда при такой дихотомии отнести, скажем, описание английского языка, выполненное в США дескриптивистом: по методу сбора данных это вряд ли полевое языкознание, но при этом делалась сознательная попытка описать родной язык именно "извне" (хотя до конца выдержать такой подход оказывалось практически невозможным).

А.Е. Кибрик имеет богатый опыт полевой работы как руководитель многих лингвистических экспедиций МГУ, о которых особо идет речь в одном из разделов книги. Материал экспедиций послужил основой для теоретических обобщений в его книге [2], две главы которой в переработанном виде вошли в рецензируемую книгу. Здесь выявляется связь полевой лингвистики с

другими областями языкознания, подробно рассмотрена методика работы с информантом.

Экспедиционный опыт помог А.Е. Кибрику и в написании следующего раздела "Проблема исчезающих языков в бышем СССР", появившегося совсем недавно [первая публикация в 1991 г.]. Его тематика крайне актуальна. Автор разграничивает языки по жизнеспособности на "здоровые" и "больные". «"Больные" языки находятся в той или иной степени деградации. В исторической перспективе наблюдается снижение их социального статуса, сокращение сфер действия, уменьшения числа носителей... Когда последствия "болезни" достигают критического уровня, возникает угроза существованию языка» (с. 67). Предлагается шкала языков по данному параметру: на одном ее конце "здоровые" языки, далее "больные", исчезающие и на другом конце — мертвые. Думается, что в отличие от уменьшения числа носителей снижение социального статуса и сокращение сфер действия все же не являются необходимыми признаками "болезни" языка. Большинство языков, упоминаемых А.Е. Кибриком как "больные", не меняло ни социальный статус, ни сферу действия: они всегда оставались и остаются языками бытового общения с соплеменниками. Просто раньше эта сфера была единственной сферой использования языка для данной народности, а в наши дни появились другие, что стало влиять и на данную сферу.

А.Е. Кибрик выделяет основные факторы, способствующие или препятствующие жизнеспособности языка: количество и возрастной состав носителей, этнический характер браков, степень компактности этноса, языковые контакты, уклад, национальное самознание, государственная политика и др. Выделенные эти факторы вполне продуманно и обоснованно. Приводятся данные о 17 "больных" или исчезающих языках России, сгруппированных по степени "болезни". Отметим, что реально из числа малых языков бывшего СССР в соответствии с классификацией А.Е. Кибрика попадают лишь языки Сибири и Дальнего Востока, а также Балтийского побережья, тогда как малые языки Кавказа и Средней Азии он признает более устойчивыми.

Кое с чем в данном очерке можно и поспорить. Вряд ли верна предлагаемая А.Е. Кибриком периодизация советской языковой политики в отношении малых языков: "20—40-е годы — период признания самобытности различных этносов, создание письменностей для большинства языков...

50—70-е годы ознаменовались линией на создание однородного советского общества, пренебрежением к малочисленным языкам, а иногда и явно проводившейся на местах политикой изживания этих языков" (с. 70). Переломным здесь был не переход от 40-х к 50-м годам, а еще вторая половина 30-х годов, когда началась активная русификация, в том числе в обучении [постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 13 марта 1938 г. об обязательном преподавании русского языка с 1-го класса всех национальных школ], тогда же и свернули создание новых письменностей. Неверно также и то, что в 30-е годы, скажем, инганский язык спутали с немецким, а существование юкагирского языка не замечалось (с. 71): исследователи в то время выделяли и изучали эти языки, просто создать алфавиты и ввести их в процесс обучения к моменту свертывания такой работы для ряда языков еще не успели. Исчезновение многих перечисленных А.Е. Кибриком языков очень реально, однако предсказать, как это делается в книге, время этого, исходя из экстраполяции существующей ситуации, достаточно сложно, в том числе и из-за не упоминаемых у А.Е. Кибрика компенсирующих факторов (см. отмеченное Н.Б. Вахтиным "регрессивное восстановление", при котором "у старшего поколения на фоне всеобщего сдвига этноса к русскому (или иному) языку появляется... возврат к коммуникации на родном языке, который они, казалось бы, давно забыли" [3]). Наконец, следовало бы дополнить список и полностью исчезнувшими в бывшем СССР языками. Нам известен по крайней мере один из них — айнский. По данным экспедиции Института востоковедения АН СССР, последний достоверно известный его носитель на Сахалине умер в июле 1975 г. Почти исчез он и в Японии (группа 1 по классификации А.Е. Кибрика). Кстати, материал айнского языка интересен и в связи с некоторыми структурными проблемами, затрагиваемыми в данной книге: этот язык представляет собой пример редкой, согласно А.Е. Кибрику, контрастной стратегии кодирования актантов (с. 190); сходен он и с кавказскими языками с точки зрения неразличения стативных глаголов и прилагательных (с. 149—151).

Большая часть книги посвящена вопросам грамматической типологии, прежде всего на материале дагестанских языков, активно изучавшихся А.Е. Кибриком в экспедициях. В то же время один из разделов связан с более общими проблемами соотношения формы и значения в грамматиче-

ском описании. Исходя из указанного выше общего тезиса о примате семантики, автор выявляет семантическую основу тех или иных, казалось бы, чисто формальных явлений языка: порядка аффиксов в слове, частей речи, типологии предложения и т.д. В целом такой подход представляется правильным и плодотворным, хотя в некоторых случаях, пожалуй, следовало бы учитывать возможность определенной независимости формы от содержания, ведущей к весьма сложному соотношению между ними. Например, на с. 127 признается, что части речи семантически в своей основе, но «могут быть в разной степени оснащены кодирующими средствами и "догружены" вторичными функциями». Но эти функции, пусть исходно вторичные, могут быть весьма независимы от семантики: в большом числе языков традиционно и, по-видимому, вполне оправданно выделяемые части речи связаны с семантикой лишь в самых общих чертах: достаточно обычно наличие в языках существительных с предикатным значением, часто нет строгой семантической грани между прилагательными, наречиями и стативными глаголами (конечно, если такие классы есть) и т.д. Может быть, и верно, что попытки определить части речи в морфологических или синтаксических терминах "не отражают их универсальной природы" (с. 127), но все же не в одинаковой степени: синтаксические определения намного универсальнее.

Остальные разделы этой части книги посвящены более конкретным проблемам грамматической типологии или грамматического анализа: организации именной парадигмы, разграничения согласования, управления и примыкания, семантики категории числа, соотношения стативов и результативов; особенно подробно рассмотрены разнообразные вопросы, связанные с типологией эргативности. За исключением раздела о согласовании, управлении и примыкании, основанном в значительной степени на материале русского и других индоевропейских языков, данные проблемы изучены на дагестанском материале; к ним примыкает и несколько выпадающий из структуры книги, но интересный сам по себе раздел в сопоставительном изучении лексики дагестанских языков.

Не претендуя на профессиональный разбор кавказского материала, мы хотели бы отметить одно свойство данных исследований А.Е. Кибрика: последовательный отказ от европоцентризма, стремление описывать "экзотические" языки в их собственных категориях и, наоборот, строить теорию,

основываясь на особенностях этих языков. В частности, убедительно показана неприемлемость к эргативным языкам традиционного понятия подлежащего и предложена иная, более универсальная система терминов; хорошо показана необходимость для арчинского языка выделения особого класса стативных глаголов, включающего в себя и лексемы, традиционно именуемые прилагательными. В последнем случае, правда, возникает один вопрос: вполне правомерно отказывая арчинским прилагательным в статусе части речи, А.Е. Кибрик все же отделяет их от других стативных глаголов в связи с "статистическими различиями в предпослании предикативных и атрибутивных форм" (с. 151). Однако такая статистика не дается, и возникает сомнение в том, насколько она здесь действенна. Наш опыт исследования, в частности, японского языка, показывает, что исследователю-европейцу всегда хочется считать, что слова, переводимые на эталонный (скажем, русский или английский) язык прилагательными, должны и в изучаемом языке употребляться преимущественно атрибутивно, что на деле может быть и не так.

Последние разделы книги посвящены прикладной лингвистике. Помимо упомянутого выше раздела "Методика полевой работы с информантом", здесь публикуется еще одна статья из "Лингвистического энциклопедического словаря": "Прикладная лингвистика", а также несколько разделов, описывающих разработанную под руководством автора на филологическом факультете МГУ интегральную модель Оператора (Эксперта) информационно-справочной службы 09. Такая модель, в частности, позволяет объяснить ряд особенностей вербального поведения в информационном диалоге и отразить связь языковой компетенции с мыслительной деятельностью.

Помимо высказанных выше, можно сделать еще ряд частных замечаний. Некоторые из них отражают определенную несогласованность между писавшимися в разные годы разделами книги. Так, на с. 12 сказано: "Объемы значений... практически любых соотносимых в двуязычных словарях пар слов не совпадают". Это утверждение само по себе слишком категорично хотя бы в связи с занимающей немалое место в словаре любого развитого языка международной терминологией. Но на с. 175 оно еще и опровергается упоминанием того, что в любой паре дагестанских языков существует не очень многочисленная, но важная группа слов, у которых как раз совпадают объемы значений. Другой пример. На с. 195

читаем, что эргативные языки тесно связаны с ролевой ориентацией, а аккузативные языки редко являются последовательно ролевыми. На с. 221 же говорится другое: к языкам с ролевой ориентацией относятся семантически эргативные и семантически аккузативные в отличие от синтаксически эргативных и аккузативных. Одно и то же языковое образование именуется то чирагским языком, то чирагским диалектом. Есть ненужные повторения, например, дважды дается одно и то же определение фактива, дважды (на с. 207 и 219) говорится о разграничении в дагестанских языках понятий типа "бить" — "ударить".

Из совсем уж мелких погрешностей отметим, что фамилия упоминаемого на с. 35 и 332 японского лингвиста передается в русском языке как Сибатани, а Шибатани — транслитерация кириллицей английского написания этой фамилии, и что конференция "Типология как раздел языкознания", упомянутая на с. 39, состоялась не в 1976 г., а в январе 1977 г.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992 221 с.

В современном языкознании достаточно полно представлено описание словообразования как одного из участков языковой системы. Заметим, что это сделано в значительной степени на материале славянских языков. В книге Е.А. Земской рассматривается действие словообразовательного механизма русского языка по данным новообразований последних десятилетий. При этом выявляется: 1) какие слова и разряды слов наиболее активно создаются в современном русском языке, 2) с какой целью они создаются, 3) какие способы и средства словообразования при этом используются, 4) какова ономаσιологическая структура новообразований.

На обширном языковом материале проанализированы различные аспекты динамического словообразования, выявлены закономерности действия механизма словообразовательной системы, охарактеризованы тенденции ее развития, противоборство этих тенденций, обрисованы центр и периферия в функционировании словообразовательных единиц.

Впервые так подробно исследована роль словообразования в построении текста с точки зрения речевых намерений говорящего и в аспекте актуализации разных явлений системы словообразования. Дана детальная

В целом же книга А.Е. Кибрика представляет собой итог более чем двадцатилетней работы этого ученого, хорошо известного не только в нашей стране, но и за рубежом, содержит немало интересных идей, дает важный не только для кавказоведов, но и для лингвистов различного профиля анализ конкретного материала. Книга будет с благодарностью встречена читателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Холодович А.А.* Синтаксис японского военного языка. М., 1937. С. 4—5.
2. *Кибрик А.Е.* Методика полевых исследований (К постановке проблемы). М., 1972.
3. *Вактин Н.Б.* К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (Предварительные результаты исследования) // ВЯ. 1992. № 4.

Алпатов В.М.

классификация разных типов неузального словообразования и установлена различная степень их активности.

В книге рассмотрен ряд важных и актуальных словообразовательных проблем. Интересен сам отбор проблематики. Е.А. Земская исследует главные вопросы теории синхронного словообразования: роль словообразования в порождении единиц, выполняющих разные функции в системе языка, содержание понятий "словообразовательный тип", "словообразовательная категория", "словообразовательная парадигма", различие характера словообразовательного значения в разных подсистемах языка и др.

Остановилось лишь на некоторых теоретических вопросах, рассмотренных в книге.

Автор устанавливает, что словообразованные слов выполняет в языке разные функции: 1) собственно номинативную, 2) конструктивную, 3) компрессивную, 4) экспрессивную, 5) стилистическую. При этом Е.А. Земская справедливо отмечает, что это деление носит в известной степени условный характер, так как и экспрессивные обозначения типа *книженция* — это все-таки номинации, кроме того — нередко наблюдается и совмещение функций при образовании нового слова.

Выделение разных функций словообразо-